

Л. В. Куркина

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Русск. *тормошить*

Для русск. *тормошить* 'теребить, дергать, трясти, таскать', 'не давать покоя, надоедать, тревожить'¹ обычно отмечаются соответствия в севернославянских языках²: ср. укр. *термо́сити*, диал. *тармасіть* 'двигать, приводить в движение', польск. *tarmosić*, *tarmosać*, *termosić* 'дергать, теребить, трепать', чеш. *trmá-ceti (se)* 'утомлять, изнурять', *trmati* то же, диал. *trmázgat sa*, *trmáskat' se* то же и словц. *trmosit' sa* 'ломаться, кривляться, мучиться'. Дальнейшие связи толкуются очень неопределенно. Махек предлагал рассматривать эти глаголы как преобразование основы, соответствующей словц. *drmat'*, *drmotit'*, *drmotat'* 'дергать, теребить, сильно трясти'. В словаре Фасмера ставится под сомнение родство с греч. *τρέμω* 'дрожу', лат. *tremō*, *-ere*, лит. *trĩmti*, *trĩmũ* 'дрожать от холода'.

Судя по структуре, в основе всех этих образований лежит простая основа **tʔrmati*, расширенная элементами *-sk-*, *-zg-*, *-s/š-*. Нам представляется наиболее вероятным объяснение слав. **tʔrm-* на основе емкого и.-е. корня **ter-* 'тереть' с расширителем *-m*. И.-е. **ter-* с разными огласовками легко сочетается со многими расширителями³, на славянской почве этот корень в ступени редукции получает расширитель *-m*. Как производные той же структуры, но с корнем в полной ступени толкуются лит. *termóti* 'смешивать, путать, марать', *termà* 'корм для свиней; мешанина, неразбериха; путаница' и *termezóti* 'пачкать, марать', 'смазывать', 'загрязнять, осквернять', 'плохо рисовать, писать'⁴. Фонетический облик некоторых славянских форм, в частности русск. *тормошить*, определила ассимиляция по второму слогу.

Изучение славянского материала показывает, что круг славянских соответствий с основой **tʔrm-* может быть расширен укр. *тáрмати* 'рвать, спутывать, сбивать', *тéрмати* 'рвать, щипать'⁵. В этом же ряду основ могут получить объяснение словен. каринт.

¹ Даль² IV, стр. 420.

² Вгүскнег, стр. 566; М а с h e k¹, стр. 535; Ф а с м е р IV, стр. 84.

³ Р о к о г н у, стр. 1071—1073.

⁴ Ф г а е n k e l 14, стр. 1082—1083.

⁵ А. А. Ш а х м а т о в. К истории звуков русского языка. Замена долгих плавными слоговыми и третье полногласие. — ИОРЯС VII, 2, СПб., 1902, стр. 334. — Словарь Гринченко не отмечает этих слов.

termati и *stermati* 'ткать', фиксируемые словарями первой половины XIX в. (Гутсман и Ярник)⁶. Ф. Безлай возводил словенские лексемы к и.-е. корню **ster-* 'распространять' (лат. *sternere* 'натягивать', кельт. брет. *stern* 'кросна', валл. *ystarn* 'ремень', ирл. *garmain* 'кросна' и др.), но этот корень устойчиво характеризует начальное *s-*, а семантическое содержание его определяют в основном два значения — 'распространять' и 'место, сторона'. Принимая объяснение словен. *termati*, *stermati* на основе и.-е. **ter-* / **tyr-* + *m*, мы опираемся и на известную взаимосвязь значений 'дергать, теревить' → 'ткать', ср. русск. *ткать* ~ *тыкать*.

Фонетически и семантически допустимо сопоставление с приведенными выше славянскими лексемами с.-хорв. *tr̃mizati*, *tr̃mižem* 'se movere', ср. *ne tr̃miže* 'не двигайся с места', и *tr̃mùnjina* 'стебель кукурузы'⁷. Родственные образования с расширителем *-z-* представляют русск. диал. *тормозить* 'говорить пустяки, вздор', *тормозиться* 'колготиться'⁸.

Того же происхождения, видимо, и укр. *терміт* 'кострика'⁹, *терміт* 'кострика с конопля'¹⁰, *терміть* = *терміття* 'кострика, твердые части пеньки и льна'¹¹, *терміття* 'различные отходы, используемые в качестве топлива'¹². По структуре это собирательное существительное **tyrmetje*¹³, близкое по типу образования к русск. диал. *веретá*, *веретье* 'мешок из рогожи или грубого холста, толстая грубая ткань'¹⁴. Отношение **tyrmati* — **tyrmetje* напоминает отношение **verati* (ср. русск. *верать* 'совать, вкладывать') — **veretyje*. А семантическое развитие 'дергать, теревить' → 'очесы, отходы' не нуждается в особом обосновании.

Словен. *otrkniti*

Словен. диал. *otrkniti*, *otfknem* сов. в. 'затвердеть, сделать твердым' вместе с производным от него причастием *otrknjen*, ср. *otrknjen krompir* 'испорченный картофель' (Засавье), и гл. *utrkniti*, *utfknem* сов. в. 'пройти, перестать (о боли)' (запад. Словения) относятся Ф. Безлаем к числу изолированных лексем, имею-

⁶ В е з л а ј. Eseji, стр. 130; L. В е з л а ј - К р е в е л. Slovenska tkalska terminologija. — JiS XIII, 3, 1968, стр. 86; F. В е з л а ј. Arhaizmi v koroških narečjih. — «Koroški kulturni dnevi» I, стр. 73—74.

⁷ І в е к о в і ć — В г о з II, стр. 592.

⁸ Деулинский словарь, стр. 561.

⁹ «Карпатская диалектология и ономастика». М., 1972, стр. 464.

¹⁰ А. А. М о с к а л е н к о. Словник діалектизмів українських говірок Одеської області. Одеса, 1958, стр. 70.

¹¹ Г р и н ч е н к о IV, стр. 257.

¹² J. J. П р и й м а к. До особливостей місцевої лексики північно-західних районів Сумської області (Матеріали до словника українських говірів). Нова Каховка, 1957, стр. 21.

¹³ О. Н. Т р у б а ч е в. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, стр. 75—76.

¹⁴ Ф а с м е р I, стр. 297.

щих исключительно балтийские соответствия¹⁵. Близкородственными в балтийских языках признаются лит. *trikti* 'толкать; быть помехой; раствориться', *trėkli* 'портить, повреждать, расточать', *trāknys* 'растертая солома; удобрение из соломы; отбросы сена'. С ними сближаются также словен. *trackāti*, *-kām* 'рассыпать, растрачивать' и *trāčje* ср. р. 'ботва бобов или фасоли', 'маленькие ивовые прутья', но последнее, видимо, связано происхождением с русск. *торóка* юж., зап. 'оторочка, бахрома'¹⁶ и ничего общего не имеет с названными выше лексемами. Привлекаемый Ф. Безлаем материал разнороден, а в литовско-словенских соответствиях не получают детального обоснования ни семантика, ни структура корня¹⁷.

Нам представляется, что словенские лексемы отнюдь не составляют исключительную принадлежность словенского языка, они входят в широкий круг славянских соответствий и связаны с другим корнем — **tǝrk- / *stǝrk-*: ср. русск. *тóркать* 'толкать, колотить', болг. *тѣркам* 'тру, мешаю', с.-хорв. *тѣрати*, *тѣчѣм* 'бегать туда — сюда' и др.¹⁸ Легко заметить, что словен. *otrkniti* и *utřkniti* содержат приставки *o-* и *u-*, им соответствует простой гл. *trkati*, *trkam* со значением 'стучать, толкать'. В эту семью родственных слов входит также *trkniti*, *trknem* сов. в. 'толкнуть, стукнуть', *trknjen* 'пригорелый', 'сумасшедший', далее с приставкой *s-*: *střkniti*, *střknem* сов. в. 'толкнуть' и *střkniti se*, *střknem se* 'свернуться (о молоке)'¹⁹.

В отдельных славянских языках сталкиваемся с фактом видоизменения, преобразования для этого глагола основного значения 'толкать'. Так, словен. *trknjen* 'сумасшедший', русск. *натóркать* 'ударяясь о что-либо, причинить боль, вызвать болезненное состояние'²⁰, *затыркать* (с продлением ступени редукции) 'утомить, измучить кого-либо требованиями, поручениями; задерживать'²¹, болг. *тѣркѣф*, *-ева* 'маленького роста, дробный'²² ясно указывают на семантический переход 'толкать' → 'вызывать болезненное состояние', 'представлять отклонение от нормы'. Другое направление семантического развития представляют словенские лексемы в значении 'затвердеть', 'осесть', 'свернуться', к ним, возможно, примыкает и полесск. *остóркнуть* сов. в. 'становиться, поселиться, найти пристанище, осесть'²³. Семантически близко

¹⁵ F. Bezla j. Einige slovenische und baltische lexische Parallelen. «Linguistica» VIII/1. Ljubljana, 1966—1968, стр. 64.

¹⁶ Об основах с и.-е. корнем **terk-* 'поворачивать' см. Р о к о г н у, стр. 1077.

¹⁷ Fгаенkel 14, стр. 1109, 1116; 15, стр. 1122—1123.

¹⁸ Фасмер IV, стр. 83.

¹⁹ Pletetřnik II, стр. 591, 693.

²⁰ Соликам. словарь, стр. 348.

²¹ Деулинский словарь, стр. 194.

²² С. Стойков. Лексикага на банатския говор. София, 1968, стр. 239.

²³ Ф. Д. Климчук. Специфическая лексика Дрогочинского Полесья. «Лексика Полесья». М., 1968, стр. 53.

этим лексемам русск. диал. *отбркался я на свете*, что значит 'околотился, обтолкался' ²⁴.

Дальнейшие связи остаются не вполне ясными. Фасмер сближает с *торчатъ* и *сторчъ* ²⁵. Махек разделяет чеш. *strkati*, *strčiti* и *trkati* ²⁶. В чеш. *trkati* Махек видит глухой вариант основы *drkati*, а чеш. *strkati* объясняется на основе сближения с нем. *rücken*, для чего предполагается подвижное *s*- и вставное *t*. В словаре Фасмера слав. **trk-* определяется как звукоподражательное образование и сближается с лит. *tùrkterėti* 'толкнуть' ²⁷.

Укр. *лѣста*

В словаре Гринченко находим слово *лѣста* в значении 'род шестерни в водяной мельнице на Днепре' ²⁸. Это слово как будто бы не обнаруживает прямых родственных связей в составе украинского словаря и, по нашим наблюдениям, не отмечено в этимологической литературе.

Для понимания внутренней формы этого слова важно иметь ясное представление об устройстве, именуемом лестой, шестерней. У Даля находим: шестерня — это «малое машинное колесо, два круга, соединенные цевками, которые захватывают колесные кулаки или пальцы» ²⁹, т. е. основную деталь этого устройства составляет стержень, шест с зубьями, которые хватают кулаки колес (т. е. зубцы мельничного колеса) и тем самым приводят колеса в движение, заставляют их вращаться. Обращает на себя внимание тот факт, что в ряде славянских языков для обозначения сходного орудия, а именно длинной палки с расходящимися рогами, зубьями, используется основа **lesk-* / **lešč-* ³⁰. Продолжением ее считаются русск. диал. *лѣщедь*, *лещадь* ж. р. 'шестик, жердь, камышина, расколота к одному концу для съемки плодов с деревьев' ³¹, 'снаряд, употребляемый для ловли раков, из длинной палки с заостренными с одного конца двумя рожками' ³², яросл. *лещѣдна* 'щит из соломы и жердей' ³³, укр. *лещата* мн. 1. 'тиски', 2. 'тиски из лубков', 3. 'два длинных куска дерева или железа, между которыми находится предмет, который необходимо сжать, а концы их скреплены', 4. 'жомы для разминания кож', 5. 'лещетка, употребляемая для кастрирования лошадей', 6. 'род снаряда, употребляющегося в игре' ³⁴, польск. *leszczotka* 'расщеп-

²⁴ Даль² II, стр. 743.

²⁵ Фасмер III, стр. 769.

²⁶ Machek², стр. 583, 681.

²⁷ Фасмер IV, стр. 83.

²⁸ Гринченко II, стр. 356.

²⁹ Даль² IV, стр. 631.

³⁰ Miklosich, стр. 165; Вегнекер I, стр. 702; Фасмер II, стр. 491.

³¹ Даль³ II, стб. 645.

³² Картотека словаря русских народных говоров.

³³ Мельниченко, стр. 104.

³⁴ Гринченко II, стр. 357.

ленное дерево, используемое для выхолощивания лошадей', диал. *léscoty* мн. 'две дощечки, на которые вешают сало на чердаке'³⁵. Севернослав. **lešč-ety*, **lešč-edь* производят от гл. **les-kati*, **leščiti* в значении 'ударять, хлопать, расщеплять' (ср. русск. диал. *налещитъ* 'наколоть, наломать плитками'³⁶, *слещотнуться* 'смяться, сплющиться'³⁷, словен. *razleskāti*, *razléskniti* 'расщепить'³⁸. Другую ступень чередования представляет гл. **loskati*³⁹. Следует заметить, что известны попытки объяснить слав. **leščedь* / **leščety* на основе сближения с слав. **loskъ* (ср. русск. *лоск*, словен. *lèsk* 'лоск, блеск', болг. *лъщя* 'блещу, лоснюсь') и **klěstjě*⁴⁰. Но оба эти истолкования оставляют без внимания сам принцип связи семантически удаленных основ, отношение корневых гласных *e*—*ě* и поэтому не могут быть приняты.

Можно думать, что место укр. *лестя* в кругу славянских основ с корнем **lešč-*. Различие в исходе основ *st*—*sk* отражает чередование, хорошо известное славянским основам (ср. русск. *ластка* и *ластиться*⁴¹, *блеск* и *блестеть*⁴²). В рамках намечаемого этимологического гнезда вполне естественным и понятным представляется семантическое развитие: 'ударять' → 'ударом расщеплять' → 'орудие, имеющее форму расщепленного дерева'.

Рассмотренные выше семантически однородные основы составляют, видимо, только часть этимологического гнезда с корнем **lešč-* / **lest-*. Отдельные славянские языки сохраняют следы близких основ, для которых можно реконструировать семантический переход 'ударять, хлопать' → 'зарубка, излом'. Примером таких основ могут служить русск. нижегор. *лещотка* 'рубчатая старинная плоская стеклянная посуда; сулея'⁴³ и чеш. диал. морав. *lešta* 'дощечка с зарубками, надрезами для развешивания картин'⁴⁴, если это не заимствование нем. *Leiste* 'планка, рейка; брусок'. Как отражение семантического перехода 'ударять' → 'делать плоским' → 'нечто плоское' можно рассматривать словен. *leščúr* 'чешуя'⁴⁵, болг. *леска* 'сланец, песчаник'⁴⁶ и, возможно, диал. *лескѹнкья* ж. р. 'в женской одежде узоры из белых и желтых медных кружочков' (Оряховско)⁴⁷. Этот семантический аспект заслуживает внимания в связи с русск. диал. *лестовка* 'род ко-

³⁵ Sławski IV, 2, стр. 175.

³⁶ Даль² II, стр. 434.

³⁷ Деулинский словарь, стр. 524.

³⁸ Sławski IV, 2, стр. 175.

³⁹ Вернекер I, стр. 733—734.

⁴⁰ См. Фасмер II, стр. 491; Sławski IV, 2, стр. 175.

⁴¹ Фасмер II, стр. 463.

⁴² Фасмер I, стр. 176.

⁴³ Опыт, стр. 103.

⁴⁴ Sławski IV, 2, стр. 175.

⁴⁵ Pleteršnik I, стр. 512.

⁴⁶ Вернекер II, стр. 702.

⁴⁷ Д. Маринов. Материал за българския рѣчник. Думи и фрази из западна България. — СБНУ XII, 1895, стр. 296.

жанных четок у раскольников'⁴⁸. Из толкования Даля видно, что эти четки представляют собой ремень, сложенный борками с лопастками, т. е. ремень с кистями кожаных лепестков. Русск. *лестовка* не имеет удовлетворительной этимологии, в лексическом составе русского языка оно на положении изолированного диалектизма. Попытки включить русское слово в одно этимологическое гнездо с **lěstva* (ср. русск. *лестница*) или русск. *лист*, лит. *laiškas* 'лист' трудно признать убедительными, так как эти сопоставления не справляются с серьезными фонетическими трудностями, которые заключены в корневом вокализме⁴⁹. Как будто бы не существуют фонетические препятствия для объединения русск. *лестовка* с слав. **lesk-* / **lešč-*, а семантически возможность такого сближения, подтверждаются словенские и болгарские лексемы. Русск. *лестовка* по значению ближе всего болг. *лескунџа*. Появление фонетических вариантов *лястовка*, *листовка* вызвано, видимо, забвением внутренней формы и последующим сближением с созвучными словами. В той же словарной статье Даль приводит еще одно любопытное слово — курск. *лестовки* 'поминальный пирог с маком и медом'. Уяснению природы этого слова помогает форма множественного числа, которая как бы служит указанием на многослойную структуру пирога, и сравнение с болг. *леска*, *лескунџа* и другими словами семантического ряда 'ударять' → 'нечто плоское'.

Таким образом, осмысление взаимных связей отдельных изолированных лексем, рассеянных по славянским языкам, позволяет полнее восстановить состав изучаемого этимологического гнезда. Как будто бы существуют все основания для признания этимологического родства гл. **leskati* / **loskati* и слав. **leščedь* / **leščety*, укр. *леста*, русск. *лестовка*, *лестовки* при условии чередования *sk* / *st*. Семантическое содержание данного этимологического гнезда составляют следующие значения: 'ударять, хлопать' — 'орудие, имеющее форму расщепленного дерева' — 'зарубка, излом, надрез' — 'нечто плоское'.

Есть основания думать, что сделанные наблюдения не исчерпывают полностью состава и содержания изучаемого этимологического гнезда. Опираясь на законы славянской морфонологии можно продолжить поиски других возможных связей рассматриваемых основ в кругу славянской лексики. Так, допущение степени продления корневого гласного и, следовательно, возможность чередования **loskati*: **laskati* позволяют понять отдельные чешские диалектизмы, стоящие несколько обособленно в системе языка. Речь идет о чеш. диал. *laskati* 'бить, толочь'⁵⁰ и морав. *laskat* 'лущить'⁵¹.

⁴⁸ Даль² II, стр. 249.

⁴⁹ Фасмер II, стр. 487.

⁵⁰ PSJČ II, стр. 514.

⁵¹ A. Koníř. Příspěvek k dialektickému slovníku moravskému. — Мѹηα. Sborník vydaný na paměť čtyřicetiletého učitelského působení (prof. J. Zubatého na Universitě Karlově 1884—1925. Praha, 1926, стр. 290).

Другой ряд возможных соответствий определяет одна фонетическая особенность основ, имеющих в исходе элемент *sk*, а именно возможность чередования *sk/zg*. В словаре Фасмера признаются родственными русск. *лоскать* и *лазготать* 'болтать без умолку', *лезгá* 'болтун'⁵². Это соотношение основ поддерживается балтийскими параллелями: ср. лит. *laskúoti* 'весело напевать' и *lazgėti* 'говорить без умолку'. Именно это чередование приближает нас к пониманию чеш. диал. *léznot* 'ударить'⁵³, если оно восходит к **lezg-*. Отражение чередующихся основ **lesk-* / **lezg-* / **lozg-* находим в кашубском: ср. *łésznoć* 'ударить', *łěžgac* 'лущить, щекотать'⁵⁴ и *łózgar*, -а м. р. 'сетка с двумя дугами для ношения рыбы'⁵⁵.

Исходя из семантики и фонетических возможностей данного этимологического гнезда, можно по-новому осмыслить происхождение двух русских изолированных лексем, а именно русск. диал. калуж. *лозг* 'низменность со рвами, ручьями; буерак'⁵⁶ и др.-русск. *лоскъ* 'лог, лощина'⁵⁷, русск. *лощина* 'ложбина, ущелье, овраг, водороина, долина', 'узкая длинная впадина, по дну которой идет водороина'⁵⁸. В отношении слова *лозг* Фасмер отмечает сомнительность известных сопоставлений с *лазея*, *лог* и авест. *razura-* 'яма'⁵⁹. Второе слово в словаре Фасмера вообще не упоминается. Значения, характеризующие русск. *лозг*, *лощина*, сохраняют прозрачность внутренней формы, основанной на признаке 'углубление, пробитое ударами воды', что делает возможным соотнесение их с фонетически близким гл. **loskati* / **lozgati*. Обе лексемы, таким образом, имеют все основания быть включенными в этимологическое гнездо с корнем **lesk-* / **losk-*.

Обратимся к рассмотрению еще одного случая. В словенском языке несколько обособленное положение занимают два, несомненно, связанные между собой, глагола — *zalástiti*, -*im* 'заставить течь воду слабой струей, закрыв частично отверстие' и *zalestíti*, -*im* 'закрывать, закупорив (напр. трубу)'⁶⁰. Ф. Безлай производит их от гл. **liti* и признает родственными лит. *laistyti*, лтш. *laistit* 'намазывать', лит. *laitinti*, *laitiúoti* 'замазывать, склеивать глиной'⁶¹, но сам принцип сопоставления основ остается необоснованным. Зависимость качества гласного от ударения указывает на присутствие в корне редуцированного. Можно

⁵² Фасмер II, стр. 449.

⁵³ Ф. Корейный. Nářečí Určic a okolí. Prostějovský úsek hanáckého nářečí centralního. Praha, 1957, стр. 142.

⁵⁴ Suchta III, стр. 17—18.

⁵⁵ Suchta II, стр. 373.

⁵⁶ Даль³ II, стб. 682.

⁵⁷ Срезневский II, стб. 47.

⁵⁸ Даль³ II, стб. 694.

⁵⁹ Фасмер II, стр. 513.

⁶⁰ Pleteršnik II, стр. 846—847.

⁶¹ F. Bezla j. Einige slovenische und baltische lexische Parallelen, стр. 79.

предположить, что словенские лексемы отражают корень в ступени редукции — **lbst-*. Некоторую трудность представляет семантика словенских лексем. Но даже при той общей характеристике значения, которую находим в словаре Плетершника, возможность сопоставления с укр. *леста*, русск. *лестовка* в какой-то степени поддерживается семантической параллелью типа *тыкать / ткнуть — затыкать / заткнуть дыры — затыка, затычка* 'чем что-либо затыкают'. Можно думать, что словенские глаголы произведены от именной основы, служащей обозначением какого-то закрывающего устройства.

Таким образом, славянские языки сохраняют лишь следы этимологически общей семьи слов, рано распавшейся и утратившей взаимные связи. И не последнюю роль в этом процессе, видимо, сыграла фонетическая обособленность составляющих ее основ.

Укр. *стрибати*

Распространение лексемы **sribati* и ее производных ограничено южной территорией восточнославянских языков: ср. укр. *стриба́ть* 'скакать, подскакивать, прыгать', *стрибкий* 'любящий скакать, прыгать', *стрибун* 'прыгун'⁶², русск. юж., зап. *стриба́ть*, *стрибну́ть* 'прыгать, скакать'⁶³, донск. *стрибалка* 'игра, веревочка для скакания', 'девушка легкомысленная, любящая погулять'⁶⁴. Лексема **sribati* не имеет ясной и надежной этимологии. В свое время выдвигалось предположение о возможном родстве этого слова с названием бога ветров *Стрибог*⁶⁵, но это сопоставление лишено малейших оснований уже хотя бы потому, что русск. *Стрибог* еще не получило сколько-нибудь убедительного истолкования⁶⁶. Г. Ильинский возводил укр. *стрибати* к и.-е. корню *(*s*)*ter-* 'торчать' с расширителем *-ibh* и далее сопоставлял с нем. *streben* 'стремиться', англ. *strive* 'бороться'⁶⁷. Семантически такое соотношение основ обосновывалось следующим образом: 'торчать, топорщиться' → 'противодействовать, двигаться без цели, стремиться, бороться' → 'скакать, прыгать'.

Полностью не отвергая истолкования Ильинского и признавая за ним известную степень вероятности, мы хотим обратить внимание на возможность иного понимания структуры и происхождения восточнослав. **sribati*. Основанием для нового подхода служат отдельные факты славянских и балтийских языков, которые,

⁶² Гринченко IV, стр. 215; В. Белявский. Народный говор уездного города Глухова (Черниговской губ.). — РФВ L, 1903, стр. 321.

⁶³ Даль³ IV, стб. 575.

⁶⁴ Миртов, стр. 312.

⁶⁵ A. Вгүскнег. Osteuropäische Gotternamen. — KZ 50, 1922, стр. 195.

⁶⁶ Фасмер III, стр. 777.

⁶⁷ Г. А. Ильинский. Славянские этимологии IX. Млр. *стрибати* 'скакать, прыгать'. — Изв. ОРЯС XXIII, 1, 1918, стр. 143—144.

будучи сопоставленными с лексемой **stribati*, расширяют наши представления об ареале данного образования и проливают некоторый свет на особенности его структуры. Весьма важными и интересными в этом отношении представляются такие семантически и структурно близкие литовские образования, как гл. *tribuliuoti*⁶⁸ и *stribuliuoti* 'вскакивать, прыгать'⁶⁹. В составе литовских глаголов ясно выделяется *s*-подвижное, корень *trib-*, суффикс *-ul* (ср. *strapčioti* — *strapulnėti* 'топать ногами'⁷⁰). Другое интересное свидетельство дает сербский язык. В Словаре Югославянской Академии находим лексемы *strib* м. р. = *striba* ж. р. в значении 'развалина, руина, музей старины'⁷¹, очень определенно сохраняющие внутреннюю связь с слав. **terti*, **tyrǫ*. Не исключено, что в нашем распоряжении лишь осколки некогда существовавшего этимологического гнезда с корнем **tri-* + расширитель *-b*. Нулевая ступень и.-е. корня **ter-*, осложненного расширителем *-b*, в греч. τριβω 'рву, разрываю, ослабеваю', полную ступень того же корня представляет русск. *теребить*⁷². Что же касается семантической стороны, то литовские глаголы довольно ясно показывают возможность совмещения значений 'дергать' и 'прыгать, скакать'.

Словен. *rášiti*

Этот глагол находим в словаре Плетершника в значении 'рыхлять, взбивать (напр. постель)', 'мешать огонь, подстрекать, раздражать, травить'⁷³. Махек приписывает словенскому слову не совсем точное значение 'ослаблять, отпускать, освобождать' и предположительно сближает его с чеш. *rašiti (se)* в значении 'распускаться (о дереве)'⁷⁴. Френкель рассматривает словен. *rášiti* вместе с *rahel* 'рыхлый, слабый, нежный' в одном ряду с лит. *reškšti (reškiù, reškiaũ)* 'срывать, сдергивать, рвать, ломать', итер. *raskýti*, суц. *raškà* 'палка с расщепленным концом, которой ч.-л. срывают'. Как родственные им определяются др.-исл. *raska* 'приводить в беспорядок; копать, рвать; грабить; болеть, ошибаться', исл. *rask* 'рыбные отходы', норв. *raske sammen* 'сгребать, накапливать', бавар. *raschen* 'рвать, щипать; собирать'⁷⁵.

Но эти толкования построены на ошибочном понимании фонетического облика словенских лексем. Корневое *a* в *rášiti*, *rahel* исторически отражает редуцированный *ъ* под ударением. А этот факт определенно указывает на другое направление этимологических связей, а именно на соотнесенность с общеслав. **rušiti* —

⁶⁸ Fraenkel 12, стр. 921.

⁶⁹ Fraenkel 15, стр. 1121.

⁷⁰ Fraenkel 12, стр. 919.

⁷¹ RJA XVI, стр. 723.

⁷² Pokorný, стр. 1071.

⁷³ Pletersnik II, стр. 375.

⁷⁴ Machek², стр. 509.

⁷⁵ Fraenkel 9, стр. 716.

**ръх-* (см. Miklosich, 272). Особо выделяемая Френкелем некоторая близость значений словен. *rášiti* 'раздражать, травить' и лит. *raškyti* 'ссориться, браниться' отнюдь не является подтверждением родства этих слов и носит скорее случайный характер. В словенском слове указанное значение легко могло сложиться на базе основного 'разрушать, рыть'. В возможности и закономерности подобного семантического перехода нас убеждает соотношение лит. *raūpti* 'выдалбливать, ковырять' и польск. *rupić* 'мучить, сердить, раздражать', русск. *рýнуть* 'озабочивать, беспокоить', которые находятся в родстве с слав. **rupa* 'яма' и **rupati* 'копать'⁷⁶.

Возможно, более оправдано соотношение с лит. *raškyti* чешской изолированной лексемы *rašiti*. Но такое сопоставление допустимо при условии, что *ř* развилось из *sk*, а значение 'распускаться (о дереве)' явилось видоизменением основного значения 'рвать, срывать' через промежуточную ступень 'лопаться (о почках)'.

Слав. **rešeto*

Слав. **rešeto* остается этимологически неясным. Все попытки осмыслить и истолковать это слово сопряжены с серьезными фонетическими трудностями, которые делают предлагаемые этимологии очень проблематичными. Трудности поисков этимологического решения определяются тем, что слав. **rešeto* лишено очевидных внутриславянских связей и представляет, по всей видимости, реликтовый след некогда существовавшей семьи родственных слов. Обособленно стоящая лексема, естественно, могла испытать влияние других этимологических групп слов, близких по значению и звучанию, что привело к переосмыслению первоначальных отношений.

Данная лексема представлена повсеместно: ср. русск. *решето* и *рѣшето*, укр. *рѣшето*, болг. *решѣто*, с.-хорв. *решѣто*, словен. *rešéto*, польск. *rzeszoto*, в.-луж. *řešo*, род. п. *řešeća*, полаб. *rišetü*⁷⁷. Наиболее полное описание реалий, обозначаемых словом *решето*, *решетка*, находим у В. Даля: *решетка* — это «всякая несплошная вещь, со сквозниной, с промежками, пролетами; ряд установленных жердочек, шестиков, или переложенных, переплетенных вдоль и поперек, либо иным образом; ограда палисадником, из железных прутьев; проволочный переплет, редкая ткань, плетенье; вязанье или шитье режей; плетение прутьяное, камышевое», *решето* — «крупное сито, *мучное решето* состоит из обечайки, рогожки (лычной, ременной, проволочной) и обруча, которым рогожка нажимается на обечайку. Большое и весьма редкое *решето* для просевки зернового хлеба»⁷⁸. Таким образом, в отличие

⁷⁶ Фгаенкел 9, стр. 708—709; Фасмер III, стр. 519.

⁷⁷ Фасмер III, стр. 479.

⁷⁸ Даль Б² IV, стр. 94—95.

от сита решето образуют редкие переплетения продольных и поперечных линий.

Этот основной и наиболее выпуклый семантический признак ('редкое переплетение') определил многие попытки дать этимологию на основе сближения с слав. **rědъkъ*⁷⁹, **rěšiti* 'вязать, связывать'⁸⁰ и русск. *прорѣха* /ц.-слав. *ринѣти*⁸¹. Отправным моментом всех этих истолкований является положение о первичности *ř* в корне. Но неясность первоначального вокализма характеризует только русские формы, остальные же славянские языки (ср. укр. *решето* и словен. *rešeto*) однозначно допускают реконструкцию праслав. **rešeto* с корневым *e*. Можно думать, что *ř* в русск. *рѣшето* вторично и обязано своим появлением этимологическому переосмыслению и сближению с созвучными и понятными словами.

Наиболее правдоподобным представляется то объяснение в котором намечено сближение слав. **rešeto* с лит. *rezgù, rėgzù* 'плести, вязать'⁸². Последнее является частью большой семьи слов, объединяющей лексемы *rėgztiis, regztjys* 'сетчатый мешок для сена', итеративный гл. *razgýti*, далее *razgióti* 'связывать вдоль и поперек', глагол со ступенью редукции в корне *rigzti* 'спутывать, запутывать'. Им соответствуют лтш. *rezg'tt, -ināt* 'спутывать', *režg'is* 'сеть, сплетенная из камыша', далее лат. *restis* 'веревка, канат', др.-инд. *rájju-* то же⁸³. На славянской почве и.-е. корень **rezg-* пережил некоторые изменения, которые затронули исход корневой морфемы, где имел место переход *zg > sk > x / š*⁸⁴. По законам индоевропейского именного словообразования **rezg-* представляет собой сочетание корня с детерминативом, и не исключено, что на стыке морфем произошла ассимиляция по звонкости, напоминая то, что отражают и.-е. **as-* 'гореть' и **azg-* в арм. *ačün* 'пепел', греч. *ἄσβολος* < **ἄσγβολος* 'сажа, копать'⁸⁵. Прямым и непосредственным продолжением основы **rezg-* в ступени *o* является слав. **rozga*. Но в белорусском находим вариант *роска*⁸⁶, а в чешском наряду с фор-

⁷⁹ F. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, Bd. I, Wien, 1879, стр. 412; Преображенский, стр. 237; Вгүскнег, стр. 476. Обзор этимологий см. Фасмер III, стр. 479.

⁸⁰ А. А. Потебня. Этимологические заметки. — ЖСт. II, 1890, стр. 123; Младенов, стр. 560; О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках, стр. 166.

⁸¹ А. И. Соболевский. Русско-скифские этюды. — Изв. ОРЯС XXVII. Л., 1924, стр. 324.

⁸² A. Matzenauer. Příspěvky ke slovanskému jazykozpytu. — LF 16, 1889, стр. 183; Г. А. Ильинский. Славянские этимологии. XXXLI. Праслав. *rešeto* 'род сита.' — Изв. ОРЯС XXIII, 2. Пг., 1921, стр. 180—181; Машек², стр. 530.

⁸³ Роконну, стр. 874; Fraenkel 9, стр. 713.

⁸⁴ В. М. Иллич-Свитыч. Один из источников начального *x* ~ в праславянском. — ВЯ 4, 1961, стр. 98.

⁸⁵ Роконну, стр. 69.

⁸⁶ Фасмер III, стр. 495.

мой *roždi* существует *rošti* 'хворост'⁸⁷, что подтверждает возможность сочетания глухих согласных в этом слове. Отношение *sk > x / š* иллюстрируют такие примеры, как русск. *плаха / плоска* — *плоский*⁸⁸.

По своей структуре слав. **rešeto* близко русск. *тенето* 'сеть, ловушка'⁸⁹, *нерето* 'рыболовная верша'⁹⁰, лит. *lankėtas* 'мотовило'⁹¹, последние, что очень важно, соотносительны с гл. **nerti* (ср. укр. *нёрти*, *нру* 'нырять'), **lękti* (ср. лит. *leñkti* 'гнуть, сгибать'). В составе слав. **rešeto* вычленяется, таким образом, суффикс *-eto* и корневая морфема **reš-*. Степень редукции⁹² этого корня отражает болг. диал. *рѣшето*⁹³, *рѣшѣту*⁹⁴ < **rěšeto*. Продвижение вглубь затруднено из-за крайней фрагментарности дошедших до нас сведений. Но можно в порядке гипотезы высказать предположение, что слав. **rešeto*, **rěšeto* произведены от некоей глагольной основы, которая в литовском имела вид *rėgzti* — *rigzti*. Что касается семантической стороны, то пока трудно сказать, что конкретно обозначала эта основа и как была отграничена от синонимичных ей основ **plesti* и **vezati*. На основании косвенных данных, о которых речь пойдет ниже, можно думать, что эта основа обозначала какое-то особое плетение, которое условно в самых общих чертах можно определить как негустое, нечастое, неплотное.

Этимологический материал изучаемого круга основ дополняют, на наш взгляд, некоторые факты лексики южнославянских языков, в частности болгарские и сербские. При этом мы имеем в виду редкое и трудно этимологизируемое с.-хорв. *rěha* ж. р., *reja*, *rea* в значении 'редкая шерсть' и его производные: прил. *rěhav* 'редкая (о шерсти овцы; о грозди винограда с редкими ягодами)', *rehuļa* ж. р. 'овца с редкой шерстью'⁹⁵. Этим лексемам точно соответствует болг. диал. *рѣаф*, *рѣава*. В словаре Герова для этой болгарской основы приводится значение 'растрепанный, взъерошенный, лохматый', но, по наблюдениям Бернара, первоначальное значение — 'негустой, редкий, несбитый, неплотный' — сохраняет болгарский диалект Разлога: ср. *рѣаво грозде* 'виноградная гроздь с редкими ягодами', *рѣава плетка* 'плетка с ред-

⁸⁷ K o t t III, стр. 97, 200.

⁸⁸ Ф а с м е р III, стр. 275, 286.

⁸⁹ Ф а с м е р IV, стр. 42.

⁹⁰ Ф а с м е р III, стр. 65.

⁹¹ F g a e n k e l 5, стр. 356; M a c h e k², стр. 640; ошибочно приводится форма *lenkėtas*.

⁹² C. U h l e n b e c k. Die Behandlung des idg. *s* im Slavischen. — AfsI Ph XVI, 1894, стр. 372.

⁹³ Т. В. Ш в е ц о в а. Словарь говора села Твардицы. «Статьи и материалы по болгарской диалектологии в СССР», вып. 2. М., 1952, стр. 94.

⁹⁴ Н. И. К о л е в. По-особени думи в говора на с. Страхилово, Свищовско. — БД III, стр. 310.

⁹⁵ RJA XIII, стр. 857.

Таким образом, внутриславянские ресурсы позволяют восстановить фономорфологические характеристики основ, образующих одно этимологическое гнездо вместе с лит. *regzti*. Словообразовательные связи могли осуществляться следующим образом. В соответствии с корневым глаголом, условно реконструируемым в форме **rešti* < **reks-ti*, существовали именные основы **rešeto* и **rexa*, последняя дала в с.-хорв. прилаг. *rehav*, в болг. *peхъф*. С.-хорв. *rohav*, болг. *poхав* дают основание для реконструкции в эпоху балто-славянской древности особой глагольной основы с корневым гласным в ступени *o*, ср. лит. *razgýti*. Что касается ступени редукции болг. *р̀шѐто*, то она могла быть тождественна основе настоящего времени. Это значит, что предполагаемый глагол имел ту же структуру, что и слав. **nerti*, **nъrъ*. Есть основания думать, что в праславянскую эпоху этот глагол со всеми его формальными характеристиками функционировал как один из терминов плетения, но очень рано пережил деэтимологизацию и был утрачен лексической системой.

В.-луж. *skomorić*

В.-луж. *skomorić* 'обходиться неподобающим образом, причинять зло'¹⁰⁶ обычно рассматривается в связи с русск. *скоморох*¹⁰⁷. Г. Ильинский видел в нем отыменное образование, родственное польск. *skamrac* 'выть как пес', ц.-слав. *скомати* 'ge-mere', русск. *скомить* 'болеть, ныть, жаловаться'¹⁰⁸.

Думаем, что в.-луж. *skomorić* имеет другую этимологию. Структуру этого слова и его происхождение проясняют, как нам кажется, две лексемы — в.-луж. *komorić* в значении 'рыться, шарить, делать медленно'¹⁰⁹ и чеш. *skomirati* 'быть болезненным, слабым'¹¹⁰. Это сопоставление указывает на подвижный характер начального *s-* и на возможность выделения корня **mer-/*mir-* (ср. **merti*) в сочетании с архаичным префиксом **ko-*. Продолжением той же основы являются русск. диал. *комобриться* 'гулять, развлекаться'¹¹¹ и некоторые основы, для которых можно предположить слоговую метатезу, — яросл. *могобриться* 'выпрашивать, докучать просьбами'¹¹² и псков. *могориться* 'хвастать, пускать пыль в глаза'¹¹³, а также польск. *przekomarzać się* 'передразни-

¹⁰⁶ P f u h l, стр. 635.

¹⁰⁷ M i k l o s i c h, стр. 301.

¹⁰⁸ Г. И л ь и н с к и й. Славянские этимологии LXX. Русск. *скоморох* 'бродячий музыкант, плясун, комедиант'. — Изв. ОРЯС XXIII, 2. Пг., 1921, стр. 243—245. — Той же точки зрения придерживается А. С. Львов, см.: А. С. Л ь в о в. Из лексикологических наблюдений. «Этимология. 1972». М., 1974, стр. 109—112.

¹⁰⁹ P f u h l, стр. 269.

¹¹⁰ K o t t III, стр. 375.

¹¹¹ А. Ф. И в а н о в а. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969, стр. 213.

¹¹² М е л ь н и ч е н к о, стр. 111.

¹¹³ Доп. к Опыту, стр. 114.

вать, ссориться, препираться, пререкается¹¹⁴. Такое объяснение польского слова нам кажется более убедительным с точки зрения семантики, чем сближение с *mará* 'сновидение, призрак', предлагаемое Варшавским словарем. Казалось бы естественным продолжить этот ряд соответствий русским диал. *выкомáривать* 'выдумывать что-либо невероятное; говорить намеками, двусмысленно'¹¹⁵, которое связано с *выкомúривать*, употребляющимся с теми же значениями¹¹⁶. Но здесь не совсем ясно, в каком отношении находятся *мар-* и *мур-*. И русск. *выкомáривать* допускает выделение морфем *вы-ко-мар-ивать* при условии, что в слове *выкомуривать* корневое *у* явилось результатом каких-то вторичных сближений.

Словен. *trâbje*

Для обозначения одной опорной части повозки в словенском существует несколько основ, связанных между собой чередованием: ср. *trabi* мн. ч. 'рассоха в повозке' (вост. Штирия), *trâbje* ср. р. 'то, что клином соединяет опорный брус и переднюю часть повозки', с тем же значением отмечены *trâb*, род. п. *trâba* м. р. (вост. Штирия, Бела Краина), *trâblje* мн. ч., *trâbelj* м. р., *trêbjê*, *-êsa*, *trêblji*, *trâp*, род. п. *trâpi* м. и ж. р., *trâpник* м. р., *trôbje*¹¹⁷. Словари фиксируют для некоторых из этих основ значения близкие, но не тождественные: ср. *trôbje*, род. п. *-a*, ср. р. 'пространство в рассохе между двумя ветвями'¹¹⁸, *trêbник* 'вид гвоздя'¹¹⁹. За пределами словенского языка соответствующую лексему находим только в одном из хорватских диалектов (Жумберак): ср. *trâbić*, *trâbje* 'раздвоение, рассоха в телеге'¹²⁰. Таким образом, интересующие нас основы распространены в восточной части Словении (от вост. Штирии до Белой Краины) и небольшой части Хорватии, территориально близкой к Словении.

Словенские лексемы рассматриваются в «Очерках по словенскому языку» Ф. Безлая как пример фонетического смешения основ, первоначально родственных. С одной стороны, это — русск. *дрябы* 'воз для снопов', блр. *дрáбы* мн. ч. 'ребра, кости, воз с решетчатыми стенками', далее нем. *treppe*, *trappe* 'лестница', а с другой — с.-хорв. *trap* 'яма' и лит. *tařpas* 'отверстие' и роман. *trabs* 'бревно, колода'¹²¹. В этом истолковании, основанном на сближении, по крайней мере, трех этимологических гнезд, много неясного и неопределенного.

¹¹⁴ Варшавский словарь V, стр. 111.

¹¹⁵ Сл. сред. Урала, стр. 102.

¹¹⁶ Даль³ I, стб. 720.

¹¹⁷ P l e t e r š n i k II, стр. 680—685.

¹¹⁸ K. Š t r e k e l j. Jezikoslovne mrvice. «Ljubljanski Zvon» IX, 1899, стр. 295.

¹¹⁹ P l e t e r š n i k II, стр. 685.

¹²⁰ P. S k o k. Mundartliches aus Žumberak (Sichelburg). — AfslPh 33, 1912, стр. 372.

¹²¹ B e z l a j. Eseji, стр. 83.

Строго следуя фактам словенского и сербохорватского языков, мы восстанавливаем исходную основу с начальным глухим согласным и с чередованием **treb- / *trob- / *trab-*. При реконструкции корневой части решающее значение придается тем соответствиям для этих основ, которые можно обнаружить в балтийских языках, ср. лит. *trobà* 'дом, постройка', лтш. *trāba* 'маленький дом, хижина'. Эти основы родственны лат. *trab(ē)s* 'балка, бревно, крыша, дом', греч. *τέραρυα*, *τέρερυον* мн. ч. 'дом, жилище,' оск. *tribum* 'domum' и др.¹²², т. е. входят в этимологическое гнездо с и.-е. корнем **trēb-*, **trōb-* 'балка, постройка, жилище'¹²³. Некоторые исследователи полагают, что другая славянская лексема — чеш. *trám* 'балка, бревно' — восходит к той же основе, но с расширителем *-m*: **trab-m*.¹²⁴ Не исключено, что эта древняя и.-е. основа сохранилась в качестве диалектизма на юго-западной периферии славянского языкового пространства.

Корректирующее дополнение. В недавно опубликованном III т. словаря Скока в статье, посвященной слову *rešeto*¹²⁵, отмечается возможность соотнесения его с с.-хорв. *rěha* 'редкая шерсть', однако последнее толкуется очень неопределенно. Для лексемы *rěha* не исключается возможность родства с с.-хорв. *rahao* 'рыхлый', *rěsa* 'бахрома', *rijèdak* 'редкий'¹²⁶.

¹²² Fraenkel 15, стр. 1127—1128.

¹²³ Pokorny, стр. 1090.

¹²⁴ V. Petř. Slavische Etymologien. — ВВ XXI, 1896, стр. 211.

¹²⁵ Skok III, стр. 132.

¹²⁶ Там же, стр. 99, 130, 140—141.